

Солнце внезапно выпрыгнуло из-за горизонта и, пробившись сквозь окно, лениво разлилось по комнате, заливая всё вокруг ярким светом.

Температура, которая поначалу была вполне комфортной, с каждой минутой становилась всё выше, и даже работающий кондиционер не спасал: двое взрослых мужчин, сжимавших друг друга в объятиях, начали покрываться потом.

Шу Июй смотрел на свои руки, обхватившие спину Ми Наня, и видел, как они мелко дрожат. Он усилием воли сжал пальцы в кулаки, заставляя себя успокоиться.

Ми Нань уткнулся лицом в грудь мужчины. Его голову прижали так низко, что черты лица слегка исказились, но он не стал буяннить, а лишь по-редкому покладисто похлопал партнера по спине:

— Душно.

Шу Июй коротко поцеловал его в макушку, немного ослабил хватку и, приподнявшись, уперся руками в его плечи. Его пылающий взгляд был прикован к лицу Ми Наня, и он никак не мог заставить себя отвести глаза.

Ми Нань, чувствуя себя неловко, потянул за прядь волос, упавшую на лицо, и раздраженно дернул её. Под таким пристальным вниманием ему стало даже немного совестно:

— Я знаю, что красив, но не обязательно же так на меня пялиться.

— Ми Нань.

— Чего тебе?

— Прости меня.

Всего три простых слова.

Шу Июй долгое время не мог их произнести. Казалось, стоит ему признать вину, как он тут же распишется в том, что именно он стал причиной смерти Ми Наня.

В прошлой жизни он сжимал зубы до последнего и даже перед смертью не вымолвил ни слова извинения.

На самом деле, сказать это следовало давным-давно.

С самого начала и до самого конца Шу Июй был в долгу перед Ми Нанем за это извини.

Сначала боялся, потом стало страшно, а под конец — просто не хватало духу.

Лишь сейчас, снова встретив этого человека, он нашел в себе крупицу той жалкой храбрости.

Ми Нань нахмурился. Он не понимал, за что тот извиняется и почему выглядит таким измученным.

— За что ты извиняешься?

Шу Июй вымученно улыбнулся и коснулся щеки мужчины:

— Прости, что сделал тебе больно.

— И это всё?

— Да.

Ми Нань смотрел на странное поведение Шу Июя, подозревая, что тот что-то от него скрывает.

— Ты что, натворил каких-то гадостей?

— Нет.

— Предупреждаю: тех, кто меня предает, ждет незавидная участь.

— Я не предам.

— Терпеть не могу, когда люди мямлят и не могут толком объяснить, в чем дело.

Шу Июй склонил голову на плечо Ми Наня и глухо спросил:

— Ми Нань, если я тебе не надоем, мы ведь сможем быть вместе всегда?

Ми Нань подумал: я сейчас в самом разгаре, с чего бы мне надоедать?

Он погладил мужчину по жестким волосам, словно пса, и, решив сделать одолжение, снисходительно проворчал:

— Пока ты ведешь себя смирно и не делаешь того, что мне не нравится, я не против того, чтобы мы оставались вместе.

— Хорошо, я буду очень послушным.

— Насколько послушным?

— Буду слушаться только тебя.

— Ври больше. Вчера я просил остановиться, и что ты, черт возьми, делал?

— Ну, кроме этого.

— Да пошел ты!

— Не ругайся.

— А я буду тебя ругать!

— У тебя сердце не дрогнет?

— От того, что я тебя обругаю, кусок от тебя не отвалится!

— А мне обидно.

— Ты что, мой предок, которого я купил? Ни ударить, ни обругать, только беречь как зеницу ока?

— Нет, это ты мой предок.

Ми Нань прикусил кончик языка, подумав, что этот мужчина слишком уж умеет подлизываться — вечно говорит именно то, что хочется услышать!

На самом деле он не любил все эти нежности, поэтому пожал плечами и сказал висевшему на нем мужчине:

— Вставай, у меня всё тело ломит.

Шу Июй послушно встал, но не выпустил его из объятий:

— Пойдешь в душ?

— Попозже, надо немного размяться.

Шу Июй взглянул на будильник у изголовья — было уже поздно, в девять часов общее построение на военную подготовку, если продолжить медлить, они точно опоздают.

— Тогда я пойду первым.

Он достал из шкафа футболку и, проходя мимо Ми Наня, хлопнул его по заднице.

Ми Наня от неожиданности чуть не перекосило, он взревел:

— Иди мойся! Руки убери!

Шу Июй быстро прошмыгнул мимо и закрыл дверь ванной.

Ванная в общежитии была довольно просторной, чистой, с яркими зеркалами.

Мужчина в отражении был хорош собой, с благородными чертами лица, и сейчас на его губах играла слабая улыбка.

Шу Июй включил кран, зачерпнул воды и с силой плеснул себе в лицо, размывая все очертания, и улыбка тут же исчезла.

Тревога.

Вина.

Страх.

Все эти чувства смешались в душе, разрывая её на части.

Он уперся руками в края раковины, опустив голову, и тяжело дышал. Сердце сжималось от боли.

Он не мог слышать от Ми Наня даже слова о смерти.

Скрытая, невыразимая печаль мгновенно застлала глаза.

В прошлой жизни он не застал мужчину в последние минуты, и теперь был готов уйти первым, лишь бы не провожать его в последний путь.

Шу Июй боялся.

Боялся потерять то, что с таким трудом вернул.

Он включил душ, не настраивая температуру. Ледяная вода хлынула на голову, и он почувствовал, что это именно то, что нужно — ему требовалось хоть немного хладнокровия.

В комнате Ми Нань, стиснув зубы, пытался делать растяжку. Дневная военная подготовка и ночные тренировки вымотали его, все мышцы ныли от боли.

Даже при самой осторожности он чувствовал сильный дискомфорт, любое движение отдавалось ноющей болью.

Он ругался, делая махи ногами, и время от времени, задевая больное место, морщился.

Скотина!

Когда дело доходило до близости, он щебетал ласковые слова, а как только всё заканчивалось — бросал его одного, даже не взглянув.

В душе торчит уже минут десять, решил там утонуть, что ли?

Ми Нань терпел-терпел, а потом, прихрамывая, подошел к двери и застучал:

— Шу Июй! Ты там что, кожу решил сменить?

Дверь открылась, и Шу Июй вышел, весь мокрый.

Капли воды стекали с волос на его крепкое тело, чертили дорожки по рельефным мышцам и исчезали под полотенцем на бедрах.

Ми Нань так и застыл с поднятой рукой, забыв её опустить. Его глаза жадно вспыхнули, он отчетливо сглотнул слюну.

Шу Июй взял полотенце, пару раз провел по волосам, а затем накинул его на шею Ми Наня, притягивая того ближе:

— На что смотришь?

— Фигура неплохая.

Заметив похотливый взгляд партнера, Шу Июй взял его ладонь и положил себе на грудь:

— Нравится?

Ми Нань поднял взгляд, встретившись с ним глазами. Его ладонь лежала на мощных мышцах, под которыми гулко билось сердце. Голос Ми Наня охрип:

— Сойдет.

Шу Июй обхватил затылок мужчины. Его ладонь была горячей, а железа на шее все еще саднила — вчерашний укус был неглубоким, но феромоны всё еще не до конца впитались, сплетаясь в густой, липкий кокон.

Его взгляд упал на обнаженные ключицы мужчины, усеянные следами вчерашней ночи.

Он провел пальцами по коже:

— Может, помазать мазью?

— Обойдусь, крови же нет, — небрежно бросил Ми Нань.

— Я не рассчитал силу.

— Не рассчитал? Ты вообще не хотел её рассчитывать, верно? — Ми Нань безжалостно его разоблачил.

Тот еще пытался изобразить раскаяние, а на деле просто загнал его в угол и выжал все соки.

Шу Июй не стал спорить. Глядя на живое, яркое лицо мужчины, он снова почувствовал, как сердце предательски сжалось от боли.

Вчерашний жар, долгожданная близость — он был готов тонуть в этом бесконечно.

— Да.

— Главное, что ты... — мужчина прошептал ему на ухо секрет, известный только им двоим.

Ми Нань хотел рассмеяться, но сдержался. Он поднял голову, его глаза, чистые и ясные, светились юношеским задором. Он задрал подбородок, словно гордый павлин:

— Тц, чего это ты сегодня такой красноречивый?

Только что заставил его сердце растаять, а теперь продолжает.

Кто же не любит добрых слов?

Ми Нань любил их особенно сильно.

Он начал бесстыдно ощупывать Шу Июя, ни капли не стесняясь.

В конце концов, тот и так принадлежит ему, чего бы не потрогать?

Оба были молодыми, полными сил мужчинами: один наглым образом лапал другого, а тот не скупился на сладкие речи. Незаметно они снова оказались в постели, и в итоге оба пропустили общее построение, за что были наказаны десятью кругами по стадиону.

Для Шу Июя, служившего в армии, десять кругов были лишь разминкой, это даже наказанием сложно было назвать.

Ми Наню же пришлось нелегко. Если бы он был в форме, проблем бы не возникло, но вчера они оба не знали меры, пользуясь тем, что оба Альфы, и выложились без остатка.

На пятом круге он почувствовал, что силы его покидают, и замедлил шаг.

Шу Июй, который до этого не спеша следовал за ним, заметив, что тот сбавил темп, обеспокоенно догнал его.

Они поравнялись, и Шу Июй тихо спросил:

— Плохо себя чувствуешь?

У Ми Наня в ушах стоял гул, в голове была сплошная каша. Он плотно сжал губы, лицо его стало бледным, как лист бумаги.

— Я схожу попрошу освобождение, — Шу Июй сразу понял, что дело плохо, и собрался бежать

к инструктору.

Ми Нань поспешно остановил его, голос его едва пробивался:

— Стой.

— Не лезь ко мне, беги свои круги.

— Ты выглядишь ужасно.

Ми Наню не хотелось разговаривать — горло пересохло, слюну было не проглотить, его подташнивало.

— Отстань.

— Причина? — Шу Июй смотрел на него бесстрастно, не понимая такого упрямства.

Ми Нань дышал тяжело, ртом, но в груди всё равно было душно, ни нос, ни рот не помогали нормально вдохнуть.

Он судорожно расстегнул воротник, почувствовав головокружение. В ушах, кроме собственного хриплого дыхания, ничего не осталось, а мир перед глазами начал вращаться и расплываться.

Шу Июй почувствовал неладное и бросился подхватить его.

Ми Нань обмяк и повалился в его объятия.

Он вцепился в рукав Шу Июя и прошептал сквозь зубы:

— Не смей раскрывать наши отношения.

Шу Июй застыл, его спина вытянулась в струну, он едва сдерживал эмоции.

Впервые он подумал, что этот человек — просто невыносимый ублюдок.

Так и хотелось бросить его прямо здесь на землю!